

АЛЕКСЕЙ ЗЕЛЕПУКИН



ОЙДУЗАХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ



18+

Алексей Зелепукин

Ойдузах

Серия «Путешествие за грань», книга 4

<https://litres.ru/74101156>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они встретились в винном погребе в полночь. Могучий герцог и простая помощница прачки. Лафрен и Кэти ещё не знают, что всего лишь пешки в партии древней ведьмы. Расходный материал для исполнения старого как сам мир пророчества. Фигуры расставлены — игра началась. Но смирятся ли пешки со своей участью или попробуют взять судьбу в свои руки? Кому посчастливится написать последнюю страницу пророчества?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	34
Глава 4	39
Глава 5	51
Глава 6	66
Глава 7	78
Глава 8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Ойдузах

Глава 1

Морок

Очередной вечер, молодой герцог засиделся в библиотеке дотемна — пока свечи в канделябрах не оплавилась настолько, что их свет перестал разгонять сгустившиеся сумерки.

Голубоглазый широкоплечий повелитель Кататиды перелистывал древние фолианты без цели, скорее, чтобы просто потянуть время перед возвращением в постель, где его ждала юная княжна. В последние дни одержимость супруги жаждой родить дочь дошла до абсурда. А счета от всевозможных целителей и лекарей уже сравнялись по сумме со стоимостью жалования личной гвардии Апверта — самой неприступной цитадели на этом берегу Таримана. Его цитадели.

Переложив заботу о уюте на плечи слуг, супруга повелителя Кататиды всё время проводила в окружении гадалок, предсказательниц и врачей.

Герцог поправил рыжую прядь волос, выбившуюся из-под ночного колпака, и отложил книгу. За окнами, больше напоминающими бойницы, грохотала гроза. Дождевые стрелы выбивали странный ритм на кроваво-красной меди крыши башни, под куполом которой находилась библиотека. Вы-

сверк молнии озарил убежище молодого правителя, а следом раздался оглушающий раскат грома. Лафрен невольно вздрогнул. Слюдяные витражи задребезжали, а со стеллажа упал покрытый пылью и паутиной свиток. Дерево тубуса истлело и при падении раскололось, обнажая жёлтую плоть папируса, исписанную багровыми иероглифами.



Правитель поднялся во весь свой шестифутовый рост и расправил затёкшие плечи. Тяжёлый подсвечник в виде ска-
зочного семиголового дракона легко поместился в широкой
ладони правителя. Лафрен поднял свиток и начал осматри-
вать стеллажи, пытаясь понять, откуда упал этот древний ма-
нускрипт. Тщетно. Все верхние полки были заставлены кни-
гами, стоящими, словно его солдаты в боевой шеренге.

«Хм, ладно, пусть так, утром озадачу летописца», —
мелькнуло в голове, и Лафрен решил оставить свиток на сек-
ретере. В этот момент тубус рассыпался окончательно, поз-
волив свитку развернуться полностью, обнажив древние ру-
ны и клинопись. Герцог поднёс канделябр ближе к папиру-
су, пытаясь прочесть странные надписи. Часть символов бы-
ла ему знакома, о смысле других он догадывался, часть, рас-
шифровал прозорливый мозг. И всё же значения большей
части текста так и оставались тайной.

«Сколько же тебе лет? Папирус перестали использовать
ещё при Орнаре Милосердном, а это лет двести тому назад,
если не больше...»

Герцог вернулся к стеллажу и взял с полки летопись. Сно-
ва зашелестели страницы. Всё было правильно, память его не
подвела, а знания, полученные в храме в перерывах между
жестокими тренировками, были точны. Иероглифы запре-
тили, когда правнук Феонира, Томус-Блистательный, нашёл

рецепт яда, которым отравили воду в колодцах Апверта во времена восстания чародеев.

Правитель вернул летопись на полку. Что-что, а это наставники Храмовников вбили в сознание юного паладина розгами, поэтому упавший свиток и не давал покоя бывшему Оутбэреру — Страннику Клятвы.

«Так, Клинопись была запрещена самим Феониром-Великим, так как считалось, что именно ею написаны гримуары ведьм, значит, этому свитку лет триста, или ещё больше?»

Канделябр звякнул бронзовым основанием, прижимая папирус к дубовой столешнице. Герцог попытался развернуть древнюю бумагу и случайно порезал палец. Кровь капнула на древние спрессованные волокна. И вдруг надпись словно ожила: иероглифы слились в странную, почти визуальную картину, повествующую о древней колдунье. Лафрен вернулся за стол.

Кровавый месяц
не отмоют ливни,
Раз в двадцать лет,
о страшный,
ненасытный рок,
Платить ей должно,
невзирая на невзгоды,
Кровавый свой,
назначенный оброк.
На жертвенный алтарь возложат,

наследницу лозы,
в чьих жилах кровь
великих королей.
И тёмный властелин
вернёт свободу, Ахтарэ
Развеяв морок
призрачных теней...

Лафрен сам не заметил как задремал, но тут, слуховое окно со звоном распахнулось под порывом ветра и очередным раскатом грома, а древний папирус рассыпался прахом, словно его и не было никогда, лишь на пальцах правителя остался тонкий серый налёт. От неожиданности герцог подскочил и проснулся. Свечи почти прогорели, а небольшое окно под самым сводом библиотеки недовольно скрипело, раскачиваемое ветром.

Правитель протёр глаза, закрыл книгу и, взяв канделябр двинулся вниз, в спальню к супруге, бормоча под нос: «померещится же такое...»

* * *

Эрна ждала мужа, её полупрозрачная ночная рубашка не скрывала чарующих очертаний молодого тела. Она лежала на семейном ложе, в компании двух совсем юных служанок и уже не молодой и почти нагой целительницы с роскошной, округлой грудью. Ох уж эта грудь, — сколько раз Лафрен ко-

рил себя за взгляды на эти просвечивающиеся сквозь тонкую ткань соски. Северная травница носила на плечах огромную шкуру волка и тунику из льняной ткани. Она ничуть не стеснялась ни своих обнаженных бедер, ни почти оголенной груди. И это бесило ещё больше.

Эрна поймала взгляд мужа направленный на сиськи травницы. Это лишь добавило желчи в её тон.

— Наконец-то ты явился, я уже было подумала, что замёрзну сегодня... И надеюсь ты не забыл про свой супружеский долг.

— Что-то я не уверен, что тебе холодно... — Тон герцога ясно выдавал его отношение к посторонним на семейном ложе. — Что случилось? Почему в столь поздний час в моей спальне я вижу кого-то кроме тебя? И чем тут воняет?

— Это Евшан-травя, вымоченная в слезах, — прошептала одна из служанок, склонившись в поклоне. — У нее резкий запах, но её настой помогает при ожогах.

Лафрен перевел взгляд на супругу.

— Ты обожглась? Как умудрилась?

— Согрейся пыталась! Я же говорю в нашей постели слишком холодно! И мне было скучно и одиноко!

— Гроза, ваша светлость, госпоже было страшно — ехидно вставила целительница, — и очень, очень одиноко.

— Ещё раз, откроешь свою пасть без разрешения, и вместе со своими травами пойдёшь на корм скоту, — медленно проговорил Лафрен, напоминая черни её место.

— Но... — попыталась оправдаться и вступить за по-другу княжна.

— А ты, ещё раз проявишь неуважение ко мне переедешь в обитель молчаливых сестер.

— Ты не посмеешь... — зло прошипела супруга.

— Даже война со всем севером меня не остановит, хочешь проверить?

Ярость овладела герцогом и он в два шага преодолел расстояние от порога до кровати. Спальня мгновенно опустела от лишних особ. Женщины понимали, что супружеские скандалы дело конечно обычное, но когда речь идёт о королевской семье, то свидетелей этих историй просто нет, крылатым мышам в клетках перед воротами, всё равно какие секреты знало их свежее мясо.

— Это так ты исполняешь свои обещания? — Княжна разрыдалась. — Я жду тебя, а ты полночи пропадаешь неизвестно где! Ты обещал мне сделать всё. Достать звезды с небес. А мне не нужно звёзд! Я лишь о возможности иметь дитя, а ты... ты орешь на служанок которые пришли успокоить мои страхи, когда тебя не было рядом. Будь ты здесь, когда гром громыхал, я б нашла спокойствие и защиту в твоих объятиях!

Плач княжны перерос в истерику.

— Ты меня больше не любишь? Сегодня была благополучная ночь. Я могла бы зачать девочку. Так целительница сказала, она и трав принесла, и свечей ароматных.

— В комнате воняет сексом! — прорычал Лафрен. — Не забывай, я всё-таки Паладин.

— Как ты смеешь?! Я ждала тебя. Отвар усилил моё желание. Ты вменяешь мне в измену запах моей страсти!

Слезы ручьем лились по щекам девушки, а тело содрогалось от рыдания.

— Прости, — прошептал Лафрен и обнял жену за плечи. — Просто последнее время чертовщина творится. На западе кочевники вырезают целые деревни, сжигают поля, в Бурмиле паника, люди боятся выйти из дома, говорят в лесу объявился зверь людоед. А на юге...

— Я ходила в храм, ведуньи попросили жертву за благословение. Они обещали что, если ты... то я понесу.

Герцог обнял супругу и прижал к себе.

— Сильно обожглась? — прошептал Лафрен на ушко супруги.

Эрна показала покрасневшие подушечки пальцев, правой руки.

— В следующий раз зови служку. Зря что ли кормим их тут. — Герцог нежно подул на ладошку княжны.

Эрна перестала плакать, а её губы нашли уста правителя.

Поцелуй был недолгим, девушка скинула с себя ночную сорочку, оголяясь перед мужем.

— Возьми меня, ороси своим семенем, — шептала княжна стягивая с супруга рубашку. Девушка легла на спину и раздвинула ноги.

Лафрен уже давно не испытывал к Эрне былой страсти, он чувствовал себя быком осеменителем, а ему хотелось не просто секса. Он жаждал страсти. Герцог развязал тесемку и спустил штаны. Его копье скорее напоминало сейчас висельника. Но Эрну это не остановило, она схватилась за достоинство обеими руками и начала активно массировать, не помогая себе губами. Что только усилило впечатление случайки, а не занятия любовью. Лафрен откинул дурные мысли и навалился всем телом на жену. Его губы коснулись шеи, и начали свой путь вниз к её груди и нежно-розовым ореолам. Когда язык сделал первый оборот вокруг отвердевшего соска. Эрна дернулась и убрала грудь от его губ.

— Не надо, не так.

Едва начавшая обретать силу мужское естество снова обмякло.

Эрна уже тяжело дышала и обвила ногами бедра мужа.

— Не так. Возьми меня как победитель, — прошептала княжна. Он схватил её запястья и свел за головой. Девушка повиновалась с покорностью рабыни. Свободной рукой Лафрен шепнул её за сосок. Эрна извивалась и умоляла войти в нее. Рука скользнула ниже к паху и пальцы погрузились в наполненное магмой жерло,

Её возбуждение передалось и Лафрену. Правитель не стал медлить.

Лоно впустило герцога.

— Да, мой повелитель.

Эрна застонала и начала двигаться в такт мужу, её пальцы впились в широкую спину, оставляя алые царапины.

Лафрен двигался размеренно, почти монотонно, словно атлет на тренировке.

— Да, да..., — выдохнула княжна, выгибаясь под ним. — Пожалуйста... ещё.

Эрна стонала всё громче, её ноги сжимались вокруг его торса с силой, удивительной для столь хрупкого создания. Герцог повернул Эрну на живот, девушка приподняла бедра, он снова вошел в нее, и позволил свести ноги. Влаглище плотно обняло его член. Он сжал руками ее ягодицы и несколько раз качнул тазом.

— Да... — сорвалось с губ Эрны и Лафрен усилил темп. Палец герцога коснулся её ануса, и слегка вошел внутрь. Девушка вздрогнула в конвульсии оргазма. Следом кончил и Лафрен. Но это не принесло ему того блаженства и сладкого забытья. Лишь усталость от выполненного долга навалилась, словно болотной тиной заволокло душу.

Лафрен обессиленный повалился рядом.

Княжна приподняла попу выше, прогибаясь, словно кошка.

— Ты чего? — удивился мужчина.

— Целительница сказала: «После соития постоять так немного, чтобы семени было легче найти дорогу».

Эта фраза почему-то взбесила Лафрена, тот натянул штаны, сунул босые ноги в туфли и вышел из спальни хлопнув

дверью.

Глава 2

Колыбельная



Факелы в коридорах цитадели почти погасли, гонимый разочарованием герцог шёл по ним будя задремавших постовых и пугая ночных мышей. В голове крутились строки из сна:

«Раз в двадцать лет, о, ненасытный рок, должна она нести

кровавый свой оброк...»

Чьи-то слова, древние, как сам Тариман... И лицо колдуньи, проступившее в иероглифах — юное и одновременно бесконечно старое. Он попытался отогнать видение, сосредоточиться на ощущениях. Но образ колдуньи словно преследовал его. Грезился в каждой тени, в каждом темном закутке. Лафрен снял со стены трофейный меч, добытый кем-то из предков, и сделав пару резких махов проверил клинок рубанув по стоящему рядом чучелу пещерного медведя. Набитый сеном череп хищника и толстая жердь, удерживающая голову были срезаны начисто. Сталь хранила остроту лучше, чем герцог свою страсть. Ощущая силу, герцог взял себя в руки и видения отступили. Но возвращаться в спальню не хотелось. Герцог решил залить горечь и разочарование вином, и двинулся в подвал.



Но едва он сделал несколько шагов по винтовой лестнице, как уловил до боли знакомый аромат сущностной соли чертополоха. Правитель остановился и поднял меч. Этот аромат он узнал бы даже находясь среди запахов в парфюмерной лавке, на распродаже душистой воды.

"Чертополох." — прошептал Лафрен.

Так пахло белье в старом храме, куда ещё совсем юного Лафрена привел старик отшельник.

Винный погреб цитадели не уступал размерами хранилищу верховного храма, такие же огромные бочки вмонтированные в стены, те же стеллажи с бутылками и амфорами. Запах дерева и сырости. Сколько времени провел Лафрен в этих лабиринтах в пору ученичества, было не счесть. Лю-

бимым наказанием наставника была война с крысами. Провинившемуся послушнику выдавали лишь палку. Полный мрак, узкие коридоры, и скрежет когтей по камням. Чего только не нафантазируешь, когда шаги наставника растворяются во мраке. Лафрен передернул плечами, вспоминая холодные прикосновения обнаглевших хозяек подземелья. Но благодаря этой экзекуции будущий паладин перестал бояться тьмы. Очень скоро семилетний мальчишка научился бить на звук, ориентироваться на ощупь. Подземелье сначала стало его наказанием, затем убежищем, а потом обителью. Иногда он даже специально получал наказание, чтобы вернуться во тьму. Здесь он не чувствовал себя неумелым мальчишкой, — здесь он был властелином... Крысы очень быстро запомнили, что за запахом чертополоха идет смерть. Паладины ордена использовали соль сущности как оберег. Хотя по сути это были остатки от производства расходившейся "на ура" ароматной воды. А сколько ссадин осталось на коже после его сбора в горах Банияда? Не счесть. Но дело было даже не в этом. Так пахла мама. Тогда, в свой последний день. Она вылила на Лафрена весь пузырек неимоверно дорогого дистиллята и закрыла сына в погребе, приказав молчать, чтобы он не услышал.



Гроза бушевала невиданная; казалось, от всполохов молний трескается небо. Раскаты грома сотрясали стены. Шторм застал Двоюродного брата Короля и его семью в охотничьем домике, на пути в столицу. Ливень хлестал так, словно Боги снова решили смыть с лица Изендара все живое. Воины, придворные, все тогда сгрудились у старого очага, пламя которого согревало дом и дарило свет надежды. Лафрен ещё

пятилетним ребенком жался к матери. Та отставив кормилицу взяла сына на руки.

— Все будет хорошо, это просто гроза, — шептала княжна, словно молитву качая сына, и Лафрен почти поверил. Почти.

Истошный крик снаружи возвестил о приходе новой беды. Отец, обнажив оружие, выскочил наружу охрана устремилась за ним. Но вскоре боевой клич Уванди захлебнулся в шуме дождя. Звенела сталь, кричали смертельно раненые воины, но все это растворялось в странном звуке напоминающем чавканье свиней в хлеву. Княжна сильнее сжала сына.

— Что бы ни произошло, что бы ты ни услышал, ты будешь молчать, хорошо? Мы сыграем с тобой в игру, согласен? — Но взгляд голубых глаз княжны Кататиды был серьезен. Лафрен закивал.

Женщина достала из-под платья изумрудный флакон на тонкой золотой цепочке.

— Я полью тебя волшебным зельем, оно превратит тебя в камень, ты будешь сидеть тихо и неподвижно, словно скала, а я схожу за папой и попрошу его тебя отыскать. Если ты выиграешь мы поедем летом в Борону, я разрешу тебе выбрать настоящий кинжал. Договорились?

Тогда ещё юный Лафрен закивал. Ради мечты о настоящем оружии он был готов на всё. Мать отодвинула циновку и подняла люк подвала. Мальчика окропили капли «вол-

шебного» зелья, лишь годы спустя он догадался, что это был лишь дистиллят воды чертополоха. Но тогда. Тогда он ещё верил в сказки. Переборов страх темноты, грея душу мечтой о Боронской стали, принц спустился в подпол и замер. Он сидел тихо.



Не шевелясь, стараясь даже не дышать. Шум и истошные крики наверху казались детской игрой, до тех пор пока не вскрикнула мама и что-то тяжёлое не упало на люк. Потом ещё долго сверху кто-то скребся о доски пола. Лафрен даже улыбался, думая, что это отец специально пугает его, чтобы мальчик выдал себя криком. Потом что-то начало капать сверху, а небольшой погреб, уставленный бочками наполнил

жуткий запах с металлическим привкусом. Но мечта о собственном сокровище грела душу. И темнота сомкнула глаза.

Сколько мальчишка просидел в том погребке неизвестно. Там было всё, и животный страх, и мысли о том, что о нем просто забыли, и тщетные попытки открыть люк самому, не было только шума и криков. Потому что Лафрен обещал. Он почти отчаялся и сидел, закрыв глаза, но когда снаружи вновь слышались голоса людей он вздрогнул, задел один из глиняных горшков и тот с грохотом упал на каменный пол. Через мгновение яркий солнечный свет ослепил мальчишка. Сильные руки наставника грамматон-клерика верховного храма, мастера меча и молитвы, сэра Ульрика, вынули его из заточения.

* * *

Тихий мотив песни прервал воспоминания. Шаги герцога стали бесшумными, он поднял меч и двинулся на звук. Слов было не разобрать, была слышна лишь мурлыкающая мелодия. Через десяток шагов за бочкой мелькнула свеча, раздался всплеск воды. Лафрен выскочил на свет.

— Кто ты?! И что ты тут делаешь?!

Девушка обернулась и от испуга, швабра выпала из рук и перевернула лоханку с водой, а сама девушка шлепнулась на колени прямо в растекающуюся лужу, ткнувшись лбом в пол.



— Ми..., М-м-милорд... — выдавила она едва слышно,
— я Кэти, помощница прачки, пощадите!
— Встань! И отвечай! Что же делает помощница прачки
по среди ночи в винном погребе?
— Я, я просто...
— Хватит мямлить! Что ты тут делаешь?
— Я была помощницей прачки до сегодняшнего обеда,
а потом госпожа Тати получила выговор от княжны за то,
что бельё странно пахнет. Её величество пришло в ярость от
этого запаха. И меня Тат-ти, а я... я клянусь... я сама его
выстирала, и те простыни потом ещё и отваром мамкиным

окропила, чтобы всяких насекомых отпугнуть. Вшей там или клопов. Матушке моей тот секрет от бабки достался, когда ещё мор был и мертвецы из могил поднялись. Бабка рассказывала, всю деревню чума выкосила, а в её избе все выжили. — Девушка тараторила так быстро, словно боялась, что её прервут, не дав оправдаться. Её широко открытые в испуге, черные как летняя ночь глаза ловили каждое движение мужчины, пытаясь угадать, несёт ли он для нее опасность и что с ней будет дальше. Руки нервно то сжимали подол, то отпускали его, чтобы через секунду вновь сжать.

— Отвар говоришь? А где сейчас бабка?

Лафрен принялся от девушки на самом деле пахло очень деликатно, тонкий, чуть сладковатый аромат с нотами меда и легким намеком на горький миндаль. Ошибки быть не могло. На самом деле это был аромат «Слез Чертополоха».

— Так сожгли ее, обвинили в колдовстве и сожгли. А рецепт остался.

Что-то не вязалось в рассказе прачки, «Слёзы чертополоха» он не столько отпугивал мелких насекомых, он работал против всех кровососов, в том числе и вурдалаков, да и колдуньям чакры перекрывал не давая возможности пополнять запасы магии. Знания защитных зелий не просто заучивали, их вбивали в послушников розгами. Такое не забывается.

— Тати, — задумчиво произнёс Лафрен, — и что же она сделала, напомни-ка ещё раз.

— Старшая прачка приказала замочить пропавшее белье винным уксусом. Чтобы запах отбить. А за одно велела полы вымыть. А мне ещё воду в кадки к утру натаскать надо. — Голос девушки дрожал от несправедливой обиды.

— Бельё? Уксус? Полы? Да ты верно пытаешься меня обмануть?! А что за заклятие ты тут шептала?!

— Это колыбельная господин, — ответила девушка, — мне её пела мама, в детстве, и теперь, когда мне страшно, я её пою, для храбрости.

— Докажи...

— Я... я не ...

— Перечись мне? Ты знаешь кто я? — зашипел герцог все еще не отошедший от скандала с супругой.

— Прошу прощения... — Девушка снова ткнулась лбом в пол. — Не губите, господин. Я недавно в замке. Я с прачечного двора дальше столовой для прислуги никогда не ходила. Не положено. Так госпожа Тати сказала.

Лафрен оглядел себя, и тут же чуть не расхохотался, в ночной пижаме, с мечом на перевес и спальном колпаке он явно не выглядел грозно или величественно.

— Пой! — скомандовал Лафрен.

Девушка запела сначала едва слышно и очень робко.

Спи, кровиночка, не бойся,

Баю-баюшки-баю,

Ночкой тихой, ночкой тёмной,

Я молитву пропою.

Ни чума, ни злые войны
Не найдут тебя вовек,
Мимо пусть пройдут невзгоды
Песня — верный оберег.

Голос сделался сильнее, песня наполняла её смелостью и отвагой.

Спи, кровиночка, не бойся,
Баю-баюшки-баю,

Лафрен невольно поймал себя на том что подпевает девушке одними губами. Как тогда в далеком детстве своей матери. Лафрен не знал слов песни, но «Баю баюшки» он повторял, словно замороженный.



Голос девушки растревожил его заледеневшую душу почти до слез. Герцог сглотнул ком подкативший к горлу.

Я тебя укурю песней,
От напастей защищу.
Утром солнышко проснётся,
Светом в горницу зальётся.
Зло не вечно, тьма уйдёт,
Лишь любовь не устаёт.
Баю-баюшки-баю,

Герцог невольно залюбовался певуньей, вспоминая напевы матери. В голосе Кэти звучала та самая щемящая нежность, решимость и сила, с которыми любая мать готова сделать все для своего ребенка. Закрыть собой от всех невзгод. Только сейчас Лафрен понял что для его матери стоило всё то спокойствие и уверенность. И какое нужно для этого мужество особенно, когда страх раздирает душу изнутри. Кэти тоже боялась, боялась, но пела. Пела наперекор своему страху. Герцог смахнул предательскую слезу рукавом ночной рубахи. И не стесняясь стал подпевать прачке.

Баю-баюшки-баю,
Я тебе любовь дарю,
Спи, кровиночка, не бойся,
Я тебя оберегу.
Девушка замолкла.

— Эта песня не защитит тебя от хвори, и уж тем более от упырей, — буркнул Лафрен, глядя в черные как теплая июльская ночь глаза служанки. Почему то их блеск напомнил ему тот самый флакон, в виде грозди винограда, семейного символа семьи Бардании.

— Другого оружия у меня все равно нет, я простая помощница прачки.

Тонкие бледно-розовые губы девушки плотно сжались.

«А она не из робких, или это отвага подневольных?»

Мелькнуло в голове герцога и он снова вспомнил себя учеником. Он тоже тогда пел. Пел чтоб не слышать скрип когтей по камням и шелест хитина всяких ползучих тварей что населяли подземелья замка. «Такая умрет, но выполнит приказ. Послушание достойное высших клириков»

— Хм, зато у меня есть, — добавил Лафрен вслух. Сталь блеснула в свете свечи.

— Не пристало милорду нищету охранять. У вас наверняка есть дела по важнее.

— Я — паладин Белой Розы. Мой обет — охранять и защищать всех слабых, и уж тем более подданных герцога. Ты ведь подданная господина Лафрена Кататидского? Ты так и будешь сидеть? Сама ж говорила надо полы помыть, белье замочить и воды натаскать.

Девушка кивнула, она явно смутилась, и как то совсем по девичьи поправила промокшую юбку. Пальцы сжавшие передник говорили о том что она точно не знает как себя вести.

— А что господин тут и в правду есть упыри?

Мужчина вспомнил цель вещи в и улыбнулся.

— Нет тут упырей, но дозор вещь важная. Давай так..., — вдруг неожиданно, для себя предложил Лафрен. — Ты тут домывай, а я посторожу тут все одно торопиться мне некуда.

— А дозор?

— Что дозор? За одно и колодец опосля проверю. В них иногда нечисти...

— Откуда ж нечисть в ключевой воде? — улыбнулась девушка. — Да и не стоит светлейшему паладину тратить свое время на простушку. Господин Герцог суров и скор на расправу. Коли прознает, что вы свой долг не выполнили он и вас покарает, а мне, а меня, а я даже представить боюсь, что со мной будет...

— В смысле?

— Вы, видать, не из местных. Законы Кататиды очень суровы. Наказание — штраф золотом или смерть. У таких как я, денег нет. Мне одна дорога, на корм его гончим.

Лафрен чуть не выронил меч от удивления.

— Что ты говоришь? Ты каких сказок наслушалась?

— Какие сказки, милорд. Давича конюха задрали. Он подпругу на седле княжны затянул слишком туго, так госпожа Тати сказала: «что слава богу его судьбу решила княжна. Смерть конечно страшная, но быстрая. Если бы судил герцог бедолага умирал бы несколько дней в страшных мучениях».

— Пряма так и сказала? — переспросил Лафрен и сжал

меч.

— Слово в слово... — едва слышно прошептала Кэти.

— Хм..., тогда я тем более должен помочь тебе. Не могу же я допустить, чтобы тебя из-за меня псам скормили, — буркнул герцог и подобрав полы ночной рубахи двинулся к кадушке с бельем. Но едва он взялся за кувшин с прокисшим бельем, как прачка вцепилась в него.

— У вас очень доброе сердце, милорд. Но я все равно не могу позволить вам делать мою работу. Вдруг и в за правду тут упыри, нападут, а вы уставший или не готовый. Вы просто побудьте со мной, это уже помощь. С вами не страшно, и мир, будто светлее. Да и с бельем надо аккуратно, если с уксусом переборщить, ткань испортится, и мне такого точно не простят.

«Неужели в моей вотчине на самом деле так страшно жить? Как такое случилось?»

Мысли Лафрена прервал шорох шагов.

Герцог приложил палец к губам и скрылся в проеме между дубовыми бочками.

Кэти стиснула зубы и начала усердно тереть пол шваброй.

— Смотри Стэн, а прачка то в самом соку, девка что надо. — Тишину погреба разорвал веселый бас, а на свет свечи вышел тучный стражник, в кольчуге не по размеру. Следом появился ещё один, постарше в кожаном клепанном жилете и длинным кинжалом на боку.

— Вот вечно ты свой хер пытаешься куда-то пристроить!

Держал бы его в штанах, не шарились бы сейчас по подвалу, — рыкнул тот, кого звали Стэном. И, повернувшись к девушке мужчина продолжил. — Ты на нас не серчай, это не наша прихоть, мы люди подневольные.

Кинжал блеснул в свете свечи, но Кэти перехватила швабру и явно не собиралась умирать без боя.

— А она с норовом, люблю таких, — пробасил первый и едва сделал шаг вперед, как получил удар плоской стороной меча по щеке.

Стэн вскрикнул и зажав ухо присел на корточки, а грудь толстяка пронзил клинок Лафрена.

— Кто вы такие? И что тут происходит? — ревел герцог, золотая звезда выскочила из-под рубахи на грудь, и блестела огромным рубином, словно живая.

Стэн узнал символ власти и бросив оружие плюхнулся на колени.

— Не губите ваше светлейшество...

Кэти испугано посмотрела на Лафрена, шепча губами титул своего собеседника.

— Не может быть! — У девушки от изумления глаза чуть из орбит не выпали — Вы же герцог! — Дошло до девушки и она снова пала ниц.

Глава 3

Травница

Бессонную ночь почти сменило утро.

Пока солдаты присланные Тати разобраться с Кэти драили пол и таскали воду, пока сама бывшая помощница развешивала белье во дворе, под бдительным присмотром Лафрена. Молодой правитель складывал факты, любуясь стройной девичьей фигурой в свете Ахтарэ — ночной хозяйки неба. Юбка и рубашка девушки покоились рядышком с огромными полотнищами простыней. Нескромный слегка желтоватый свет светила пронзал почти прозрачную ткань странной накидки девушки, очерчивая её стан и красивые стройные ноги, небольшую, но упругую грудь.

— Ну вот наверное, и все ваше Величество... — пробормотала Кэти поправляя косынку. — Спасибо, что не позволили этим... большое вам спасибо, но мне пора собираться...

Лафрен вздрогнул.

— В смысле, собираться? Сколько же у тебя заданий? Рассвет скоро.

— Это было последнее. но, пока вещи соберу юбка с сорочкой подсохнут, переоденусь и пойду.

— Ты разве не живешь в замке?

— Жила, пока помогала в прачечной, а сейчас мне одна дорога — в корчму, угол какой-нибудь снять, а потом на рынок. Постараюсь найти в городе дом, где нужна прачка или кухарка, ну, а нет, пойду на север, там, говорят, работы поболее...

— Леса Ульзейва кишат оборотнями и вурдалаками. Пока глаз Ахтарэ круглый эти места гиблые. Не каждый паладин Белой розы отважится путешествовать в тех местах в это время. Ты не дойдешь до Шандура, столицы северного королевства.

Девушка пожала плечами.

— От судьбы не уйти, господин. Как говорил один мой знакомый: «именно, пытаюсь избежать своей участи, человек обычно к ней и приходит, а идя ей навстречу, есть шанс застать её врасплох и изменить свою долю».

Голос девушки был полон печали и странной обреченности, но на лице не было страха, и это поразило Лафрена.

— А разве ты не должна испросить дозволение у своего сюзерена, на то, чтобы покинуть эти земли? — так же тихо произнёс герцог.

Кэти обернулась и посмотрела в голубые глаза правителя. В блеклом свете огромные и темные глаза девушки сверкали, словно обсидианы.

— То ты падаешь ниц, грозя расколотить лбом гранит пола, то смотришь смело не опуская взгляд. Ты не простая прачка, Кэти?

— Страх гложет тех, кому есть что терять, о повелитель. Не спустись вы в погреб, я бы уже лежала в луже собственной крови, да и скорее всего так и случиться только чуть позже в лесах Браталона. Плаха милосерднее клыков двуликих.

— Я запрещаю тебе покидать замок Кэти бывшая помощница прачки.

В этот момент во дворе у колодца появился Стэн с пустыми ведрами.

— Эй...! — окликнул новобранца герцог. — Брось ведра, найди сэра Ульрика, начальника моей гвардии и приведи его сюда!

Мужчина бросил ведра и со всех ног помчался выполнять поручение.

— Мне не нравится то, что происходит в цитадели. Не нравятся слухи, ползущие обо мне. И я не намерен мириться с этим. И ты, — Лафрен указал острием меча на Кэти, — поможешь мне все исправить.

— Я всего лишь обычная прачка, государь... Какая от меня помощь в делах такой важности? Я боюсь подвести вас. Позвольте мне просто уйти. Я не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал. Даже госпожа Тати. Она была очень добра ко мне, милорд. Если бы не этот треклятый отвар...

— Я понятия не имею, что там варила твоя бабка, но это запах «Слёз чертополоха» я его узнаю из тысячи других. Я Паладин, Кэти. Я почти десять лет провел в верховном храме. Там этим ароматом пропитано не только бельё. Рецепт

этот знают единицы, и, если ты сможешь по нему снова приготовить отвар "Слёзы чертополоха", то завтра... вернее уже сегодня, я сделаю тебя травницей, а нет... — Лафрен вздохнул. — Не стану неволить, ступай на все четыре стороны...

— Ваше величество, я не знаю рецепт «Слёз», я же говорила, это рецепт моей бабушки... — С мольбой в голосе, тихо произнесла девушка и уже собралась плюхнуться в ноги повелителя вымаливая прощение.

— Вот его мне и свари!

Фиолетовый цвет летней ночи уже уступал место алой зорьке далеко на востоке.

— Но у меня почти не осталось трав. И собирать их, как мне наказывала мама надо в своё время и в своих местах, иначе отвар не получится. Полынь надо в полдень в тени овражков, зверобой обязательно у ключевой проточной воды, а чертополох он на лесных полянах, там где рябина тянется к дубу.

В этот момент к колодцу в сопровождении Стэна подошёл грамматон-клерик.

Лафрен указал на новобранца, и сказал так, чтобы начальник гвардии все слышал.

— Раз уж судьба связала ваши жизни, он пойдет с тобой. Отныне его сердце будет биться столько же, сколько и твое...

Лафрен повернулся к вассалу.

— А ты, сэр Ульрик, возьмешь этого оболтуса в личное обучение, к осени это должен быть твой лучший поединщик,

он будет охранять травницу, от всех земных бед и даже от напасти демонов, если ему конечно дорога его шкура...

Мастер меча с удивлением посмотрел на герцога. Герцог подошел к старому наставнику.

— Если все, так как есть, мы восполним запас «Слёз»,
— прошептал Лафрен, и улыбнулся глядя в округлившиеся глаза наставника.

— Она? — прошептал рыцарь. Герцог кивнул.

— Вечером узнаем. Если нам повезет, я поганой метлой вымету весь этот сброд шарлатанов заполнивших мой замок,
— и обернувшись к Кэти громко добавил. — Я буду очень благодарен, если наша беседа останется между нами, Кэти-травница Цитадели.

Глава 4

Признание

Дверь в пыточную отворилась бесшумно. Петли здесь смазывали гусиным жиром еженедельно. Кузнец Патай он же по совместительству и палач цитадели не выносил скрипа. Для него ржавчина была не менее страшным врагом, чем волколаки и нечисть для паладинов.

Огромного роста детина в темной маске уже приковал бедную женщину средних лет к пыточному верстаку и содрал с нее одежду. Тати испуганно причитала и кричала о своей невинности, призывая в свидетели всех богов.

Лафрен в таком же капюшоне как и Патай вошел в камеру подземелья. Металл щипцов побагровел. Каземат наполнился резким запахом каленого железа.

— Все готово, — просипел кузнец, раздувая мехами угли в горне. Тати поймала взглядом вошедшего. И завопила с новой силой.

— Клянусь всем святым, Ахтарэ и Будушаном, я ничего не делала!

Патай провел холодной кочергой по телу женщины от шеи и ниже, меж ещё хранивших упругость грудей.

— Жаль будет такую красоту портить, женщина.

Металл описал дугу вокруг соска.

— Но, всё ещё можно исправить, это будет зависеть от твоих ответов. — Пати сменил вкрадчивый тон на рев и продолжил. — А сейчас заткни свою пасть и слушай вопросы.

Кочерга легла в жерло горна и тут же начала краснеть.

— Сегодня утром в винном погребе нашли тело. — Сухо по-деловому начал Лафрен. Методику допроса он усвоил ещё со времен охоты на ведьм. Тогда после мора люди часто доносили друг на друга просто из зависти. Старый хранитель был мастером выуживать правду. Запах палёной кожи молодой послушник слышал всего дважды. И оба раза жертвы были под заклятием. Болевой шок рушил чары. В остальных случаях хватало угроз.

Тати притихла.

Лафрен подошел вплотную к женщине.

— За что ты убила свою помощницу?

— Это не я! Я клянусь. Я ничего не знала про убийство!

— Мы задержали двух стражей, они... — Закончить Лафрен не успел.

— Они должны были просто развлечься с ней. Мне приказали послать Кэти в погреб. Я не знала...

Патай пошевелил кочергу проверяя насколько раскалился металл.

Тати осеклась. Её глаза наполнились ужасом.

— Тебе приказали? — прошептал Лафрен почти в ухо женщины.

Та закивала.

— Кто?

Прачка лишь мотнула головой и закусила губу.

Патай вынул кочергу из пламени и шагнул ближе. Тати ощутила жар металла кожей и побелела от ужаса. Слезы брызнули из её глаз, а на губе заалела кровь. Герцог жестом остановил кузнеца.

— Подожди, не спеши.

А потом снова зашептал на ушко Тати.

— Кого ты боишься больше чем боли или смерти?

Женщина замычала сжала кулачки, но снова замотала головой.

— Ты либо очень смелая либо очень глупая. — Лафрен отшагнул в сторону и дал знак кузнецу. Тот медленно начал подносить раскаленный металл к промежности женщины.

— Пощадите. Я не виновата! — Гулко разнеслось по каземату. Женщина елозила, пытаясь отсрочить соприкосновение, плакала и молила.

Лафрен подал знак и кочерга вернулась в горн.

— Мы получим ответы на вопросы, так или иначе. Но пока у тебя ещё есть шанс рассказать все самой.

Женщина лишь подняла зареванное лицо на мучителя.

— Она обещала проклясть твоих детей и мужа? — Вдруг резко сменил тон Лафрен. — Мне не нужны слова, просто кивай головой. Заклятие слежения не воспроизведет жестов. Ведьма не узнает.

Герцог снял маску.

— Обещаю отправить тебя и твоих близких в храм. Там тебя не достанет ни одна ведьма. Ты готова?

Тати кивнула.

— Это новая целительница?

Женщина повторила жест.

— Отпусти её Патай, если она не хочет помочь мне избавить мир от зла, пусть ведьма сдержит обещание.

— Но вы сказали, что она не узнает...

— Я солгал Тати. Ты свободна.

— Но... Зачем? — Женщина непонимающе смотрела на герцога.

— Ты не хочешь помочь. Ведьма придет за тобой. Мы схватим её на месте убийства и сожжём. По-другому никак.

— Я все расскажу, милорд. Только спасите моих детей. Я верой и правдой служила вам столько лет. Пощадите.

Кузнец разомкнул кандалы и женщина трясаясь от рыданий рухнула на пол.

— Моли о пощаде ту, которую выгораживала, — бросил герцог и направился к выходу.

— Ваша светлость! У меня трое детей. — Голос женщины заглушил её плачь. Она сложила руки в молитвенном жесте и пала ниц.

— Я расскажу, я все расскажу, только спасите их.

— Патай, вели запрячь обоз до храма. Ты знаешь где живет Тати?

Кузнец кивнул и вышел из пыточной оставив герцога и

прачку наедине.

— Она ко мне утром с этими стражами пришла. Они меня за шиворот и к княжне. А целительница и говорит в меня пальцем тыча. Это из-за нее. Она простыни ядом. А это не я, так-то я белье для вас завсегда сама, собственноручно, а тут такое, у меня младший заболел, вот я Кэти и попросила.

— Что было дальше? — спросил Лафрен, укрывая девушку плащом кузнеца и протягивая кубок с вином.

— Ну я им все как на духу. А княжна в ярость «что б духу этой Кэти в замке не было. А целитель... ну ведьма то есть и говорит, что зря что ли завтраком кормили, пущай отрабатывает. Пусть в ночь погреб отмое. Там засрано крысами да мышами. Ну княжна и велела. А я что? А целительница прокляну говорит всех до седьмого колена, со свету сживу, если я проболтаюсь кому.

Женщину трясло в истерике. Она хлебнула вина и продолжила.

— А к вечеру она значит снова и прям в хату, на деток посмотрела и говорит, что нечего мол товару зазря пропадать, и парней что меня арестовывали отблагодарить надобно и велела им, ну то есть мне, передать солдафонам этим, когда Кэти полы мыть отправится. Умоляю ваше величество спасите детей. Грешна я, так я и отвечу, хоть в клочья рвите. Но детишек...

— Глупая ты, Тати. Кто ж за помощь супротив темного колдовства в клочья рвет? Одевайся, допивай. Скоро Патай

явиться, бери семью и езжай в горы. Там вас ни одна ведьма не достанет.

В коридоре Лафрена ждал сир Ульрик в полном обмундировании в клире расшитой эмблемами ордена поверх доспехов. Герцог удивленно поднял бровь.

— Я все слышал, государь. Старый мастер вас хорошо обучил. Я ненароком подумал что вы на самом деле её железом. Но вы ловко её на чарах поймали.

— На ней не было ни следящего заклятия, ни блокирующего волю, Ульрик. Тати просто насмерть запугали.

— Милорд, дозвоьте схватить ведьму? — Ульрик положил ладонь на эфес меча.

— Не ты ли учил молодого послушника терпению? Кто говорил: сначала изучи врага, потом только действуй? Мы не знаем мощи целительницы. Без «слез» очень опасно. Помнишь, как та старуха движением руки подняла не только уже сражённых нами мертвяков, но и наших павших товарищей.

— Помню, — процедил сквозь стиснутые зубы мечник. — Если бы не хранитель, весь орден остался бы тогда там на плацу.

— Ульрик, ты веришь что наставник все еще жив?

— Не знаю, милорд. После того как он исчез в портале от него не было вестей.

— Поэтому мы и должны быть осторожны. Если отвар прачки на самом деле дистиллят Чертополоха, мы очистим Кататиду от темной магии. А пока ждать. Как там этот...?

— Стэн? Раздолбай, возможно, из наёмников, он вообще мутный тип. Проигрался в пух и прах в таверне, а платить нечем, ну его и скрутили. А там либо в стражи, либо в долговую яму. Но меч держать ему приходилось.

— Следи за ним. Раз ведьма хотела «наградить» его и подельника, значит ключик к их головам у нее есть.

— Или наоборот что знают, или видели лишнего, — пробормотал Ульрик.

— Бализаш их всех дери. Тогда тем более бди. Я — в читальню, вели слугам принести одеяла и подушку. Вырубает, ночь выдалась тяжелой.

* * *

Свет дневного светила окрасил небесную твердь кровью Ахтарэ, гоня её в бездну Небытия за горизонт. Стэн спал на жёстком топчане, уткнувшись лицом в солому.

Удар пришёлся под рёбра. Рукоять деревянного меча — тупая и тяжёлая — вонзилась в бок. Стэн взвыл, перекатился, свалился с топчана на каменный пол.

— Подъём.

Сэр Ульрик стоял над ним, в полном облачении.

— Одевайся! Через пять минут, жду тебя на плацу.

Стэн не успел ответить — клирик уже вышел.

— Вот ведь гадство какое, — рыкнул мужчина потирая ушибленный бок. Ночь выдалась не из простых, мягко гово-

ря, захоронение подельника вымотали его напрочь. Стэн уже жалел, что не выбрал долговую яму.

— Отсидел бы пару недель... и всё, а тут... — бурчал он, надевая на себя гамбез и панцирь. — Говорила мне матушка, что надо завязывать с азартными играми. Эх, видать удача навсегда отвернулась от меня. От этого толстого одни неприятности, пока был жив в карты меня на бабки нагрел, а как сдох мне его ещё хоронить пришлось.

Стэн сплюнул на ладони и поднял с пола деревянный меч и вышел из сарая

Во дворе пахло сыростью и перегнившими опилками. С сада доносился приторный запах цветущей сирени.

Грамматон-клирик стоял в центре круга, начерченного на утоптанном мульче пополам с грязью.

— Защищайся!

Стэн поднял меч. И хотел зевнуть, но выпад Ульрика был молниеносным. Деревянное лезвие хлестнуло по пальцам. Стэн охнул, выронив оружие.

— Поднял! Быстро!

Едва мужчина нагнулся. Последовал хлесткий удар по плечу — ключица едва не хрустнула. Стэн упал.



— Поднял! — рычал старший паладин. — Никогда не отводи взгляда с противника! Ты либо запомнишь это, либо умрёшь.

Стэн поднялся. Ульрик бил снова и снова. По бёдрам, по рёбрам, по локтям. Дерево гремело о кости. Стэн хрипел, сплёвывал кровь с разбитой губы, но клирик не останавливался. Ярость и бессилие бушевали внутри, он готов был голыми руками задушить мучителя, или впиться ему в глотку зубами и прекратить это несправедливое избиение, но добраться до рыцаря не мог. Снова и снова промахиваясь Стэн получал болезненные удары.

— Убей в себе ярость. Она твой враг, — прошипел Ульрик в очередной раз повергнув новобранца на грунт и наступив сапогом на горло.

— Противник пощады не ведает, — приговаривал Ульрик, замахиваясь. — Упырь не устаёт. Колдун не ждёт, пока ты отдышишься. Поднялся!

Стэн попытался встать — меч клирика ударил под колено. Наемник рухнул лицом в грязь.

— Зачем ты в погреб пошёл?

Стэн замер на четвереньках. Дыхание вырывалось с хрипом.

— Я не...

Удар в спину. Позвонки хрустнули.

Паладин провел прием и локоть Стэна оказался в болевом захвате. Боль пронзила тело, невольные слезы брызнули из глаз.

— Зачем?

— Я в карты проиграл, много. А вчера после ужина... — хрипел новобранец.

Хватка паладина ослабла, боль исчезла, но подвижность не вернулась.

Стэн вздрогнул. Это был настоящий допрос, причем с пристрастием.

Серые глаза Ульрика не предвещали пощады.

— Он сказал... ему обещали и, если я хочу рассчитаться должен идти с ним. Больше я ничего...

Ульрик не поверил и боль вернулась с новой силой.

— Гвен сказал что пришло время закрыть долги...

— За что? — Паладин встал над Стэном, перекрывая свет Будушана

Вернувшаяся к руке свобода дала возможность наемнику перевернулся на спину.

— Толстяк поразвлекался с какой-то девкой — выдохнул Стэн.

— И?

Ульрик замахнулся — Стэн сжался. Не было смысла хранить секреты мертвеца.

— Что и? Переспать он с ней переспал... Только у него... опосля стручок покраснел. И с него капать стало, как весной

капель с крыши сарая.

Ульрик опустил меч.

— Дальше.

— А что дальше? Дело житейское, к целительнице пошёл.

Ульрик сложил руки на груди.

— В общем сходил он, а вернулся и говорит, мол пошли в кабак, старуха вылечила и даже денег не взяла, сказала потом пустяковое дельце надо будет помочь сделать. А вчера Тати пришла и говорит: пора закрыть счет...

— Ты то как во все это вляпался? Вроде не зеленый...

— Толстяку с неделю назад в карты начало везти как черту. Мало того весь свой долг отыграл, так ещё и меня ... три сука золотых!

Стэн смачно плюнул. — Жалование считай за год. А тут: «пойдем со мной, долг прощу»

— А в карты везти стало после визита к целительнице?

Стражник мотнул головой, до наверное почти сразу как с конца закапало.

Ульрик молчал. Потом развернулся и бросил через плечо:

— Подними меч. Тренировка не окончена.

Глава 5

Звон

Кэти вернулась в свою келью. Она закрыла дверь, привалилась к ней спиной и медленно сползла вниз, пока не села на холодный каменный пол. Внутри было пусто. Она попыталась вспомнить, когда ела в последний раз — и не смогла. Тело ломило так, словно по ней проехала телега. Пальцы подрагивали. Её котомка, собранная вечером, все ещё ждала хозяйку. Развязать узелок не осталось ни сил, ни желания. Кэти поднялась, сделала три шага до кровати. Сил не осталось совсем, лишь жгучая обида жгла нутро.

— Ну почему? Почему все всегда так? Хочешь сделать как лучше...

Девушка переместила пожитки на тумбочку и бросила туда же полусырую одежду.

Тяжелая ткань юбки сбила с поверхности полупрозрачный пузырек. Скланка сделала круг по полу и замерла в ожидании. Кэти уселась на соломенный матрас и взяла в руки пустую мензурку из-под отвара. Надо же. Как многое помнили эти последние капли.

Как много всего случилось с тех пор.

Словно целая жизнь.

Пустой пузырек вернулся на тумбочку. Девушка уткну-

лась лицом в соломенный тюфяк, укрывшись овечьей шкурой. Но сон не шел. Нервное напряжение давало о себе знать. Она стала перебирать в памяти случившееся, стараясь вычленить из произошедшего только положительное. А его в случившемся кошмаре почти не было. Если не считать что Гвен уже навсегда перестал быть занозой в заднице.

— Знала бы, что всё так сложится... — прошептала девушка, а память воскресила в её сознании первую их встречу.

* * *

Ливень барабанил по настилу земляники уже третьи сутки, влага сочилась сквозь грунт и оседала каплями на не строганных бревнах.

Кэти спасала запасы, перевешивая пучки трав из-под стекающей потоком дождевой воды. В углу чадила масляная лампа, а в очаге бурлил котелок с зелеными щами.

Кэти даже не сразу поняла что в дверь стучат, приняв стук за грохот грозы. Это был он. Гвен. Толстый, потный, с маслянистым блеском в глазах, и ужасным перегаром. Кольчуга и щит с эмблемой в виде кисти винограда выдавали в нем стража цитадели.



— Мне эликсир удачи, — выдохнул он, — чтоб фартило всегда, хоть в кости, хоть в карты? Есть такой?

Кэти это рассмешило, неужели люди на самом деле настолько глупы и несообразительны? Ну, если бы она могла сварить такое зелье, стала бы она влачить существование в сырой землянке на опушке леса?

Девушка замотала головой.

— Не ври мне ведьма! — зарычал стражник, тыча пальцем в котелок. — Я даже отсюда колдовское зелье чую! Гони мне эликсир. Живо. А не то...

Кэти не стала спорить и налила в мензурку суп.

— Сразу бы так! — рыкнул тучный страж замка и вырвав из рук пузырек вышел из землянки.

Дождь шел ещё несколько дней размывая дороги и Кэти пришлось задержаться в землянке отложив путешествие до окончания распутицы. И это оказалось большой ошибкой. К вечеру следующего дня Гвен явился снова.

Дверь не выдержала и менее тяжелых ударов. Казенный меч вылетел из ножен едва он переступил порог.

— Сука! Ты меня обманула! Твой отвар не работает. Я из-за тебя проиграл месячное жалование.

— Я вам говорила.

— Ты меня обманула!. Это всё из-за тебя и теперь это твой долг! Ты должна мне тридцать серебрянников. Нет денег от-работашь телом!

— Я тебе ничего не должна!. Это ты принял травяной суп за отвар! — вспыхнула Кэти хватаясь за скалку.

Она, конечно, девушка. Однако жизнь научили её одному хорошему правилу: надо уметь постоять за себя, а иначе пропадёшь. И она не какому-то там толстяку, ни кому то другому не позволит помыкать собой и перекладывать на неё чужие долги.

— Люблю строптивых...

— А что скажут в замке, если узнают что ты за зельем приходил? Хотел с помощью магии обыграть своих дружков? Интересно что потом будет?

Гвен застыл от такой наглости, но угроза сработала. Шу-

лерам в цитадели рубили не только кисти рук.

— Да кто ведьме поверит? А на дыбе любой оболгать честного человека может!.

— А зачем сразу дыба? Я сама во всем признаюсь. Скажу что ты меня заставлял обряды проводить. Так что на углях танцевать будем вместе. Только я вот может с палачом договорюсь о смерти быстрой, как ты выразился - телом отработаю, а ты?

— Наглая сучка, я тебя тут в куски порву!

— И свои долги будешь сам отдавать! — выпалила Кэти, выставляя перед собой скалку.

Гнев стражника сошел на нет.

— Что ты предлагаешь?

— Ну денег у меня нет, а умела бы в утехах, вряд ли бы тут жила.

— Ведьма и не сильна в утехах?

— Да не ведьма я! Сто раз тебе уже это говорила! Но, если ты проведешь меня в замок, возможно я устроюсь куда-нибудь. Кухаркой, посудомойкой, прачкой. Кем угодно. Готова половину отдавать, пока не рассчитаюсь.

Гвен почесал затылок.

— Хм..., все лучше чем ничего. Договорились. Я узнаю в замке, если требуется кто.

Гвен исчез за дверью.

Уходить в ночь, сквозь дикие леса было ещё большей глупостью чем соглашаться выплачивать то, чего не должна. Но

надежда грела сердце девушки. Она собрала пожитки в узелок и легла спать.

«Утро вечера мудренее. Да и дождь не может идти вечно.»
— успокоив себя мамиными фразами девушка уснула.

А с первыми петухами дверь снова распахнулась.

— Айда. В замке прачка нужна. Я договорился, — прошипел довольный Гвен.

Так она оказалась в замке. Тати выдала ей передник, кусок мыла и показала кадушку. В полдень Кэти уже стирала чужое бельё. Тати осталась довольна и к вечеру сразу после полдника старшая прачка велела заняться особым заданием. В дубовой кадке лежали льняные простыни княжны.

— Настоящий лен, с ручной вышивкой. Стирай только в холодной воде и без мыла.

— Предупредила Тати и умчалась по своим делам.

Резкий, жгучий запах наполнил каморку.

Кэти ахнула. Так пахло в деревне во время мора. Так пахло от мёртвых тел, которые жгли за околицей. Сладкий запах любовной утехи с привкусом чего-то, о чем мама и бабушка шептались вполголоса за печкой. Думая что Кэти спит. Кэти стремглав бросилась в келью. В её узелке ещё хранился пузрырек со спасительным отваром.

Схватив склянку, девушка вернулась в прачечную.

Первым делом она плеснула настойки в воду с простынями и принялась тереть. А когда со стиркой было закончено она растёрла остатки жидкости из заветного бутылка рука-

ми, натерев лицо и шею.

А следующим утром на нее уже орала и Тати, рядом стояла целительница княжны.

— Всё-таки надо было уходить по грязи. Пока была возможность.

Сбежать из-под пристального наблюдения посланного за ней в подвал убийцы, девушке казалось непосильной задачей.

«Хотя завтра в лесу..., жалко только узелком и частью и без того скудного скарба придется пожертвовать.»

Девушка ткнулась лицом в тюфяк с соломой.

Больше выжидать она не станет. Надо бежать, пока все не стало ещё хуже. Не ясно чего там удумал красавчик герцог, и почему он принял бабушкин отвар за какие-то «Слезы» было не ясно, но проверять на своей шкуре правдивость рассказов о жестокости правителя Кататиды она не хотела. Хватит того что он не задумываясь отобрал жизнь Гвена.

Перед глазами снова всплыла широкая спина толстяка с торчащим из нее острием клинка.

— Так тебе и надо, скотина... — прошептала Кэти и закрыла глаза.

* * *

Но сон был не долгим, едва зенит миновал и Великий Будушан начал свой путь с вершины небесной тверди вниз, в

келью Кэти постучали.

Скрип кольчужных колец, запах пота заставил девушку вскочить с кровати. В дверях стоял Стэн.

— Меня прислал Сир Ульрик. Пора. — Мужчина поднял руку с плетеной корзиной.

Кэти кивнула и потянулась за узелком.

— Тебе запрещено брать с собой любые вещи. — Сухо констатировал стражник.

— Мне нужны мои...

— Я человек подневольный, мне самому это нравится не больше твоего, но я ещё хочу пожить на этом свете. Не заставляй меня применять силу. Вода и ужин у меня с собой. Мне моя жизнь дорога, так что я с тебя глаз не спущу, и, если надо тебе чего или ну там по нужде, то иди сейчас, иначе потом придется делать это у меня на виду.

— А я траву руками рвать должна?

Всадник лишь пожал плечами.

Кэти фыркнула и взяв ведро скрылась за шторой.

Старый церковный сарай, переделанный под жильё для челяди стоял прямо на краю старого кладбища. Сколько народу тут было похоронено, никто не ведал. Сам погост был древнее крепости, воздвигнутой вокруг старого храма Ахтарэ. В Кататите чтили две вещи, силу ночного светила и могилы предков. Уже триста с лишним лет орден Паладинов ищет ведьму, осквернившую обе святыни. Колдунья Ойдузах стала проклятием этих земель. Ходили легенды, что эта

колдунья была верховной жрицей Ахтарэ. Безумно красивая и надменная, она служила светилу, пока её не совратил Магистр ордена Белой Розы. Пламя неразделенной любви изменило девушку, превратив её в злую колдунью. Она заключила союз с Бализашем — владыкой мира мертвых. Поклявшись ему навсегда уничтожить святой орден, Ойдузах получила власть над мертвыми и очернила магию Ночного светила. Началась эра хаоса. Чтобы лишить колдунью войска, магистр Белой Розы и предводитель паладинов Великого Будущана запретил предавать останки умерших земле. Мертвых стали предавать огню. Храмы Ахтарэ пришли в запустение.

А погосты заросли бурьяном. В Апверте, где орден был особо силен, старое кладбище превратили в сад. Но земля все ещё хранила мертвых. И вот едва Стэн и Кэти вышли из помещения, страшный вой разорвал послеобеденную тишину. Кричали в покоях княжны. Витражные стекла рассыпались прахом, а из-под кустов белых роз начали подниматься мертвые.

Стэн вытащил меч, заслоняя собой Кэти.

Первый остов мертвеца уже тянул свои истлевшие руки к бывшей прачке.

— Беги! — заорал наемник скрещивая клинок с выбеленными временем костями.

Кэти бросила корзину и стремглав рванула обратно в келью.

— Не туда! Там нет выхода! — проорал Стэн, но девушка

уже скрылась в коридорах.

Наемник свалил ещё одного восставшего ударом в грудь, но первый уже срачивал свои кости и карабкался по камням старых могил за промчавшейся внутрь Кэти.

Стэн раскрошил череп ударом ноги. Старые кости рассыпались прахом, но мертвец продолжал движение.

— Вот ведь тварь какая! Да как же вас остановить-то?

Воин пронзил грудную клетку мертвеца, пригвоздив его к грунту. Тварь все ещё шевелила конечностями, вырывая из-под себя куски черной как сажа земли, но сдвинуться не могла. А на наемника уже двигалась целая орда усопших. Мужчина затворил дверь и подпер её массивной кроватью. Двери тут же закрипели под напором, но выстояли. Стэн налег плечом на створ, но мощный удар отбросил его назад, в брешь просунулась чья-то рука в кованой перчатке на выбеленных костях, пытаясь схватить хоть что-то. А следом кто-то начал рубить дверь топором. Стэн замер.



В этот момент к двери подбежала Кэти со своим узелком на перевес и странным кинжалом в руках. В проеме показался череп. Кэти не долго, думая сделала выпад. Сталь пронзила кость и восставший осыпался прахом. Смерд серы заполнил помещение. Кэти указала небольшое окно над кельями.

— Нам туда, оттуда лестница на звонницу.

Стэн даже не думал спорить или обсуждать, тем более, что старые двери разлетелись впуская внутрь орду нежити.

Дальше был забег наперегонки со смертью.

Стэн махом запрыгнул на крышу времянок и сделал несколько шагов. Когда услышал крик Кэти. Он обернулся.

Девушка не смогла запрыгнуть и её тут же окружило несколько тварей. Она махала кинжалом наотмашь, но магия сделала свое дело. Мертвецы пали. Стэн свесился с крыши протянул вниз руку.

— Хватайся! — проорал он.

Рыжеволосая среагировала. И она нельзя сказать, что была лёгкой как пушинка, хотя и выглядела достаточно хрупкой. Стэн стиснул зубы. Рывок — и она оказалась наверху, обдирая бок о нестроганные доски.

И снова бег. Кровь стучала в висках. Воздуха не хватало. Настил на перекрытиях трещал под весом людей. Восставшие преследовали их по пятам. До окна было высокова-

то. Наёмник не долго, думая помог девушке забраться, а сам развернулся и уже был готов принять наверное свой последний бой...

— Давай руку! — Но рыжая не ушла, она сунула кинжал в ножны и свесилась вниз тяну Стэну ладошку.

Стэн подпрыгнул. Едва он вцепился руками в раму окна, вся остальная конструкция рухнула, погребая под собой мертвяков.

— Ты чего не ушла? — спросил задыхаясь Стэн.

— Так и ты не сбежал, — ответила Кэти поправляя узелок.

— Мне нельзя. Моя жизнь к твоей привязана. Кстати, а что это у тебя? На нож для сбора трав не очень то и похоже.

— Наследство. От бабки досталось. Пошли, а то эти внизу уже снова собираться стали, надо спешить, — буркнула Кэти потирая расцарапанную руку.

Винтовая лестница на звонницу оказалась узкой, с выщербленными ступенями. Кэти побежала первой. Стэн — за ней. Снизу уже доносился скрежет когтей по камню и влажное чавканье. Мертвецы мешая друг другу, лезли, как муравьи.

Ступени кончились внезапно. Звонница — квадратная площадка под самым куполом, продуваемая всеми ветрами. Старый колокол, покрытый зелёной патиной, висел на массивной дубовой балке. Верёвка от языка давно истлела. Отсюда открывался вид на весь Апверт — двор, стену, башню

цитадели, тёмные фигуры, ползущие по саду.

— Дальше некуда, — выдохнул Стэн.

— А дальше и не надо. Сымай портки!

— Ты чего удумала, окаянная?

— Пояс свой давай и штаны, сейчас свяжем всё и... надо его к языку приладить.

— Высоко, я не достану. Лезь на плечи.

Кэти скинула юбку оставшись лишь в исподней полупрозрачной накидке. Стэн замер уставившись на рыжее пятно внизу её живота.

— Вот все вы кобели. Нас разорвут сейчас, а он на бабу пялиться, ну, ты чего женщины не видел?

Слова Кэти вернули мужчину к реальности.

Наемник не верил, что это сработает, но и просто стоять ожидая смерти, и ничего не делать, тоже надо сказать не самое весёлое занятие, и он поднял девушку на плечи.

— Выше, ещё чуть-чуть. Давай родимый, давай! Стэн поднялся на носочки, упираясь что было мочи. И тут же оглушающий звон чуть не свалил его с ног.

— Готово опускай, — устало прошептала девушка.

— И че дальше?

— Звони пока руки не отвалятся, — прошептала Кэти и прикрыла наготу юбкой.

А на лестнице мелькнул череп первого из преследователей.

Стэн потянул веревку. Потом ещё и ещё. Звон гремел над

округой, успокаивая души мертвецов, отправляя их обратно за грань.

Глава 6

Напасть

Звон меди разорвал оковы сна. Лафрен вскочил с софы и схватился за меч. Странный звон повторился ещё пару раз и затих до того как герцог сообразил что это. Лафрен выглянул в окно. Зеленый медный колокол Ахтарэ ещё качался, а под ним завязывал портки Стэн, рядом натягивала юбку Кэти.



— Это так они траву собирают? — рыкнул Лафрен, его воображение уже подбирало наказание за прерванный сон, когда он увидел как стражник нагнулся и подал Кэти узелок.

Лафрен вдруг вспомнил как сам убегал с занятий, чтобы встретиться с Эрной. Она, тогда ещё совсем юная и такая смелая, как же его тянуло к ней... теплые ночи напролёт, страх разлуки, жажда новой встречи.

Лафрен улыбнулся.

Эрна приехала в Храм в качестве заложницы, паладины шли войной на бешманов, одичавших, не справившихся с обращением жителей графства.

Религия севера запрещает поднимать оружие на себе подобных, и потерявшие контроль психику сбивались в стаи, разоряя земли Кататиды. Храмовники и инквизиторы во главе с пятью паладинами двинулись в очищающий поход. После сражения с Ойдузах в храме не оставалось достаточно сил. И тогда Ульрик потребовал заложников. Детей правящих семей. В качестве гарантий. Копна её огненных волос было видна издалека. Может быть по этому Лафрен защитил Кэти в винном погребе?)

Дверь распахнулась без стука. Ульрик ввалился в библиотеку, прижимая левую руку к груди. Плащ разорван, на скуле, сквозь уже белеющую бороду, багровел свежий кровоподтёк.

— Милорд...

Лафрен повернулся. Лицо герцога стало серьезным.

— Докладывай.

Ульрик прикрыл дверь. И облокотился на нее.

— Это Ойдузах. Мы схватили её.

Лафрен перевел взгляд на кровавое пятно расплывающееся под кольчужным нарукавником.

— Все пошло не по плану. Оруженосец доложил что служанка целительницы, ну эта, что вечно за ней куль с травами таскает.

— Ближе к делу...

— В общем, она понесла в покои княжны кинжал.



Лафрен побледнел.

— Я поднял своих. Целительница как раз благовония разжигала. Ну мы в покое. И сходу «Гапырмой». Княжна оторопела от неожиданности, но целительница... — Ульрик качнул головой. — Такую силищу я только раз видел. Она вообще почти не отреагировала, несколько мгновений... Потом как заорет: «Ойдузах» и давай шаровую колдовать.

— Эрна?

— С ней всё в порядке, оруженосец, что про кинжал донес, грудью вперед, так весь удар на себя и принял. Испугалась правда сильно, закричала. Воньща по комнате. Я в целитель... то есть в ведьму солью, а ребяташки крапивницей ее укрыли. А той хоть бы хны, отбойной волной нас как кутят раскидала, а сама визжит диким визгом.



— Зов мертвых?

Ульрик кивнул и продолжил.

— А служанка её... я грешным делом подумал, что заодно с ведьмой... но нет, она горой встала за Эрну, кинжалхватила и — к ведьме. Да не добежала.

— Встал оруженосец и обратил оружие против живых?

— Все как тогда, Лафрен. Ребята его копьями к полу, а он корчиться от боли и все одно руки тянет. Даже отрублен-

ная голова не остановила его, все в точности, как тогда на храмовой.

— А ведьма?

— Та кинжал схватила и к княжне. А госпожа только глазами хлопает от испуга ни слова молвить, ни пошевелиться. А тут ещё колокол, как гром небесный, ведьма замешкалась, тут я ей последний бутылек «Слез» о голову и разбил. Ведьму скрутили, и под «гнет».

— Что с Эрной?

— Лекарь сказал: «шок от пережитого, она от вида крови в обморок упала», сейчас уже все хорошо. Вернулась в покой.

— А ...?

— Ведьма в каземате. Странно что Крапивница не сработала. Соль Радагана лишь замедлила. Очертили обережные руны. Беситься как дикая. Благим матом орет, говорит что не ту взяли. Только вот что меня беспокоит. Та В храме была почти старухой, а эта...

— Раз в двадцать лет,
о страшный,
ненасытный рок,
Платить ей должно,
невзирая на невзгоды,
Кровавый свой,
назначенный оброк.

— Пробормотал Лафрен. — Так это ее чары свели с ума

мою Эрну, заставив мечтать о дочери. Умирать эта тварь должна долго Ульрик. Очень долго.

грамматон-клерик кивнул.

— Восставших всех уgomонили?

— Всех, вернее они сами в труху, как раз, когда я ведьме флаконом. Видать заклятие с сознанием как-то связано.

— Знай мы это тогда в храме... — с горечью прошептал Лафрен. — И слез больше нет?

— Ни капли. А травница что? Не сварила?

— Нет... — Лафрен вспомнил как сверкнула белоснежная кожа стройных ног бывшей прачки, и это почему-то вызвало в нем гнев. — Ей не до этого было. Развлекались они с этим твоим, наемником...

— В смысле...?

— Да трахались они на звоннице, да видать так усердно что старый колокол растормошили. Вместо того что б слезы варить, розгами бы по пяткам...

— Может розгами обождем? — пробурчал Ульрик. — Кабы не тот звон, достала бы Ойдузах княжну. Да с отбитыми ступнями по лесу много не набродишь. Уж ежели отвар не сварит...

— Тогда в каземат к ведьме закрой. Пусть полюбуются, с каким злом мы воюем.

Ульрик поклонился.

— И что б с первыми петухами что за травой. Посмотрим ещё что там за отвар. Я к жене.

Герцог стремглав помчался по лестнице в низ.

* * *

Эрна полулежала на кушетке. Вокруг нее копошились слуги. Она казалась такой хрупкой и истощенной, что Лафрену стало стыдно за вчерашний вечер проведённый в библиотеке. Он смотрел на женщину которую безумно любил и чуть не потерял из-за собственной глупости. Именно его эгоизм и упрямство позволили Ойдузах втереться в доверие княжне.

«Паладин, тоже мне».

Лафрен взял жену за руку.

— Как ты?

— Лучше, испугалась сильно. Я ей так верила.

— Это моя вина, я слишком увлекся государственными делами, что позволил околдовать тебя. Этого больше не повториться. Ты простишь меня?

Лафрен обнял жену, а та уткнулась носом в его грудь.

— Мне не за что прощать тебя, мой повелитель. Ты не в чем не виноват.

Пальцы девушки коснулись щеки мужчины. Лафрен обнял жену крепче. Сейчас он снова видел в ней ту самую. Ту к которой сбегал под угрозой самых страшных наказаний. Ту — счастье которой было для него дороже всего на свете, но у него не было слов выразить это и он просто коснулся её

губами. Эрна ответила. Пылко, нежно. Словно не было всех этих ссор и скандалов.

Лафрен поцеловал её в шею.

— Я так боюсь потерять тебя, клянусь я посвящу тебе каждую свободную минуту своей жизни.

Девушка запрокинула голову назад и пальцы утонули в волосах мужа, приглашая к более интимным ласкам.

Герцог щелкнул пальцами и комната опустела. Губы мужчины проложили дорогу от шеи к округлой груди жены. А руки легли на её бедра.

— Лафрен... — прошептала княжна и герцог задрал подол её сорочки. Язык вычерчивал руны любви на нежной коже её живота, вызывая сладкие стоны. Ледяная стена ворожбы ведьмы растаяла и два сердца жаждали единения. Но в этот раз Лафрен не торопил события, он, словно очнулся от странного сна. Он не просто хотел её. Он хотел видеть как сияют её глаза от удовольствия. Одежда упала на пол. Ничто не мешало коже ощущать тепло друг друга. Эрна расслабилась, приглашая супруга, и он вошел, мягко и нежно. Она прогнулась ему на встречу. Это было не просто соитие. Это было единение. Сейчас Лафрен и Эрна были одним целым, как и положено супругам. Она угадывала его движения, стараясь усилить ощущения, напрягая внутренние мышцы, словно обнимая его не только руками. Он наслаждался блеском её глаз. Он чувствовал, как растёт её наслаждение. Первый раз за долгие последние годы ему хотелось доставить ей

удовольствие, а не просто осеменить. Дыхание девушки стало прерывистым, она обняла его ногами, заставляя замереть на мгновение. И содрогнулась в оргазме. Потом ещё и ещё. В этот миг и Лафрен достиг апогея своих желаний. После чего они ещё долго лежали, обнявшись, наслаждаясь покоем и тишиной.

Глава 7

Каземат

Женщина за стенкой камеры Кэти причитала и плакала. Потом, словно в припадке безумия кричала:

— Это был не камин!

Потом снова плакала, причитала, впадала в беспамятство, гремела оковами и цепями, пытаясь вырваться, сыпала проклятия. Потом замолкала немного и с новой силой начинала все с начала. И так продолжалось уже очень долго. Где-то на пятую передышку ведьмы к издаваемым ей звукам добавился и мерный храп Стэна.

Кусок ржаного хлеба и кружка баланды, жидкого супа у входа в её камеру остались не тронутые.



Аппетита не было совсем. Да и вонь нечистот в казематах цитадели его не добавляла. Кэти сидела на полу обняв руками колени, укрыв голову старой подушкой. Но от стенаний Ойдузах это не спасало. Лечь на тюфяк из гнилой соломы со странными бурными разводами девушка не решилась. И, когда сон почти овладел уставшей травницей, ночное светило заглянуло в узкую щель под самым потолком камеры, окрасив древние камни в желтоватый оттенок.

Вдруг стенания измученной женщины прекратились. На какое-то мгновение повисла тишина. Такая жуткая, что замерли даже крысы снующие туда-сюда в темных коридорах. Что-то громко хлопнуло падая набок, закрипели ногти по прогнившим доскам. Голос целительницы изменился. Утробный рык сменился гортанным пением, скорее похожим на заклятие из глубины веков.

Кровь рисует

знак не зря

Ахтарэ уже взошла

Жертва будет принята,

Силу всю мою впитай

Перед тьмой не отступай.

По подземелью повеяло могильным холодом. Кэти поежилась. За стеной одна за одной капли разбивались об пол, ногти продолжали скрести доски.

Голос завыл на запредельно высокой ноте

Руны, кости

Кровь и медь.

Ты порви

Обряда плетъ.

что-то тяжёлое упало на пол. Потом все стихло.

Свет ушел и подземелье снова погрузилось во мрак. Лишь что-то больно укололо Кэти в область шеи. Девушка охнула и интуитивно шлепнула ладонью по шее.

Хлопок разбудил Стэна за решеткой напротив.

— Ты чего? — буркнул мужчина с просонья.

— Ничего, словно кольнуло в шею или укусил кто.

— Это тебе не апартаменты прачки, тут и клопы, и комары, и твари пострашнее водятся. Главное не чеши, хуже будет.



Кэти сняла передник и подвязала его вокруг шеи.

— А ты чего не спишь? — спросил мужчина переворачиваясь на бок.

— Как тут спать, или ты не слышал ничего?

— Тшшшш, разбудешь ведьму и до утра придется слушать её стоны и причитания. Спи, во сне время быстрее летит, — зашипел Стэн и приподнялся на нарах, вглядываясь за решетку напротив.

— Вроде утомилась, зная полночь миновала.

— В смысле — прошептала Кэти следуя совету наемника.

— Говорят, когда Ахтарэ начинает свой путь за великую грань сила ее слуг иссякает, так как там в царстве мертвых просыпается Будушан.

Поэтому на щитах паладинов шестигранная звезда изображена вниз вниз. Самое время охоты на Ведьм и служителей ночного светила.

— Каво?

— Ну псиглавцы, вурдалаки, оборотни... Спи давай. А то так того и гляди Ойдузах разбудим. И тогда уж точно до утра про сон можно будет забыть, а нам ещё в лес за твоей травой с ранья идти.

* * *

Когда Патай в кожаном колпаке паласа спустился в темницу Цитадели Апверта, его глазам предстало чудовищное зрелище, от которого волосы на затылке встали дыбом даже у палача инквизиции.

В центре вписанной в круг шестиконечного символа Ахтарэ, лежала обнаженной тело ведьмы. На запястьях следы зубов. Девушка перегрызла себе вены, на обеих руках. Потом начертила кровью символ и просто истекла кровью. Она лежала раскинув руки и ноги. Её лицо, испещренное гноем и ожогами от сока крапивы хранило умиротворение, а на губах навеки застыла улыбка.

— Тьфу, вот ведь с... — выругался палач отправил одного из рыцарей за Ульриком и Лафреном. — И как мне её теперь привязать к столбу порока?

Патай попробовал согнуть руку, бесполезно. Трупное окоченение уже наступило. И до вечера ничего с этим уже сделать было нельзя.

Палач подошел к решетке наемника.

— Эй вы, как это случилось? — рыкнул кузнец.

На что Стэн лишь повел плечами.

— Тут по ночам темно, герцог явно экономит на факелах. Я ничего не видел.

— Но слышать -то ты должен был! — взревел Патай, чем разбудил закимарившую только под утро Кэти.

— Она визжала, стонала, плакала, потом утомилась. Я уснул. — Голос наемника был спокоен, словно он рассказы-

вал про ночевку в таверне или доме терпимости.

Ключ провернулся в скважине, замок щелкнул и тяжёлая решетка со скрипом отворилась. Палач схватил Стэна за шиворот и толкнул к камере Ойдузах.

Стэн побледнел от увиденного.

— И ты ничего не слышал?

— Нет. У меня был тяжёлый день. Всю ночь до этого я таскал ведра с водой, помогал стирать белье, хранил соратника, потом тренировка с мэром Ульриком, нашествие восставших мертвецов. Я всего лишь человек. Возможно, я просто исчерпал свои силы и уснул, а Возможно тот кто сотворил это с ней, не желал быть замеченным. Я не отличаю усталость от заклятия. Я не волшебник, — всё так же ровным голосом ответил наемник.

— Жди снаружи. — Патай подтолкнул Стэна к выходу и подошел к камере Кэти.

Девушка уставилась на палача самым невинным взглядом на который была способна.

— Ты тоже ничего не слышала?

Стэн за спиной кузнеца приложил палец к губам. И Кэти мотнула головой.

— Какие-то грызуны сновали туда-сюда в потемках, они так ужасно скрипели коготочками по дереву..., я ужасно боюсь крыс.

Патай едва не взревел от ярости.

— Дура! Я не про крыс спрашиваю! Про соседку! Слыша-

ла ли ты что-то необычное?

— А причитания о невиновности обычны или нет, ваша светлость?

— Обычны... — Скипнул зубами Патай. — Еще что-нибудь?

— Ну она ещё полночи твердила что: « Это не камин» потом храп Стэна все заглушил.

Тон с которым Кэти произнесла имя своего охранника сильно задел вошедшего. Каземат Лафрена.

— Стэна?! — Эйфорию от близости с Эрной как рукой сняло. — Я смотрю вы быстро сблизились, особенно, если учесть что ещё позавчера он пришел в погреб по твою душу.

— А вчера вечером, Ваш стражник, рискуя жизнью, защищал вашу травницу от мертвецов. Я как богобоязненная девушка должна была узнать имя спасителя чтобы вспоминать его в молитвах Великому Будушану.

— Вы как то очень выборочно благодарите своих спасителей интимной близостью. я видео вас одевающимися на звоннице. — Лафрен очень старался предать своему голосу безразличие, но уязвленное мужское эго негодовало.

Стэн сделал шаг вперед к герцогу, но прежде чем стража обнажила клинки наемник согнул колени.

— Это моя вина, Господин. Кэти вспомнила легенду её народа о чудодейственной силе колокольного звона. Но старая веревка давно истлела. Я не смог поднять её на плечи в юбке. Я опозорил ваше доверие Мон сеньор и не заслуживаю

жизни. Но честь Кэти мне дороже своей шкуры.

Меч герцога коснулся шеи телохранителя травницы.

— Ну допустим, с юбкой ты придумал складно, почему у тебя штаны были спущены?

Тут к герцогу шагнула Уэти и тоже опустилась на колено, склоняя голову.

— Ваше величество, когда я попыталась звонить шнур порвался и Стэн достал свои подвязки. Он следовал вашей воле и берег мою жизнь, милорд. Если вы считаете меня распутной, накажите меня. Этот воин верен клятве и заслуживает жизни.

— Да вы сговорились?! — рыкнул Лафрен он взял Кэти за подбородок и посмотрел ей в глаза. Странно, но травница этот взгляд выдержала.

«Она явно не в первый раз смотрит в лицо власти имущим, а возможно встречала и смерть.»

Лафрен убрал оружие в ножны.

— Отвар мне нужен к ужину.

Лафрен повернулся на каблуках и собрался покинуть темницу.

Тут уже Патай согнулся в поклоне.

— Господин, а с ведьмой то что делать?

Лафрен чуть не потерял самообладание, когда взгляд упал на тело Ойдузах.

— Отрубите конечности приведите к туловищу палку, сложите все в мешок и зашейте. Я сотру эту улыбку пламе-

нем очищения. Соберите народ на торговой площади. Перетащите эшафот туда. Раскидайте медь. Объявите праздник. Каждому пришедшему лицезреть крах Ойдузах, от меня чарка вина. И пусть глашатае донесут это даже для глухих.

— А нам? — вдруг вставил почувствовавший халяву наемник.

— Получишь кувшин по возвращении с травами, — бросил Лафрен и хлопнул дубовой дверью каземата.

Глава 8

Вестник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.